

2. Bodriyay ZH. Simulyakry i simulyaciya. M., 2017. S. 25-30.
3. Vystuplenie M.V. Koval'chuka v Sovete Federacii 30 sentyabrya 2015 g. – <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/> (data obrashcheniya 21.09.2018).
4. Gekeli T. EHvolyuciya i ehtika Prolegomeny // Voprosy filosofii. №9, 2016. S. 181-186.
5. Dubrovskij, D.I. Priroda cheloveka, massovoe soznanie i global'noe budushchee / D.I. Dubrovskij // Filosofskie nauki. 2013. № 9.
6. Kolchinskij E.H.I. Edinstvo ehvolyucionnoj teorii v razdelenom mire HKH veka. SPb., 2014. S. 409-419.
7. Lorenc K. Kol'co carya Solomona. – M., 2011. S. 153.
8. Lyublinskij, P.P. Evgenicheskie tendencii i novejshee zakonodatel'stvo o detyah // Russkij evgenicheskij zhurnal. 1925. T. 3. Vyp. 1. S. 19.
9. Markov A.A. EHvolyuciya cheloveka. v 2-h kn. Kn.1. M., 2014. T.19.
10. Markova L.A. Na podstupah k transgumanizmu // EHpistemologiya i filosofiya nauki. 2016. T.XLVII. №1. S. 16-17.
11. Marks, K. i EHngel's, F. Soch., Izd-e 2. T. 3, S. 92, 387, 565
12. Medouz, D., Randers, J., Medouz, D. Predely rosta 30 let spustya. - Moskva, 2013. S. 29-46.
13. Rassel B. Istoriya Zapadnoj filosofii. M., 2017. T. 2. S. 10.
14. Sedova N.N., Sergeeva N.V. Bioehtika v prostranstve kul'tury. M., 2010.
15. Strel'chenko V.I. Istoriya, ehpiistemologiya i filosofiya nauki. SPb., 2019.
16. Fejnmán R., Lejton R. Fejnmánovskie lekcii po fizike v 9-ti tomah. T.1. M., 2016. S. 11.
17. Hajek F. fon. Indivíd i ehkonomicheskij poryadok. – M., 2011. ss. 47-48.
18. Dobzhansky Th. Evolution and Man Self-Image // Evolution Antropology. 1975. rr. 220-229.
19. Weizsacker E. Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. – Springer. 2018.

УДК 378.1:614

НАРРАТИВНАЯ БИОЭТИКА В ПОИСКАХ «ИНОГО» МИРА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. СТЕЙНБЕКА «ГРОЗДЬ ГНЕВА»).

К.С.Смирнов

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
биоэтики и права с курсом социологии медицины, ГБОУ ВПО
«Волгоградский государственный медицинский университет»,
Волгоград, zzzzz111@mail.ru*

В статье анализируется перспективный ракурс биоэтического дискурса, известный как нарративная биоэтика. Этот анализ осуществляется на примере романа «Гроздь гнева» выдающегося американского писателя Джона Стейнбека. В качестве метода биоэтической рефлексии используется деконструкция в своем этическом аспекте дискурса о справедливости. Текст романа интерпретируется как фармакон, лекарственное средство, лекарство для души отдельного человека и всего социального организма. Результатом анализа является положение о том, что «иной» мир- это вовсе не реальное социо-культурное пространство, существующее где-то на Земле. Люди сами (в романе семья Джоуд) несут в себе этот «иной» мир: мир человечности, добра, справедливости, который исключает индивидуализм и агрессию. Таким образом «иной» мир есть дискурс биоэтики как «науки выживания» перед лицом бесчеловечной капиталистической системы. Данный дискурс может послужить основой для создания глобального биоэтоса как реального пространства справедливости и нового, биоэтического метанарратива, способного выступить реальной альтернативой экономическому дискурсу тотального капитала.

Ключевые слова: нарративная биоэтика, деконструкция, справедливость, тотальный капитал, биоэтос.

DOI 10. 19163/2070-1586-2019-1(23)-11-14

NARRATIVE BIOETHICS IN THE SEARCH OF “OTHER” WORLD (ON EXAMPLE OF THE J. STEINBECK’S NOVEL “THE GRAPES OF WRATH”)

K.S. Smirnov

*PhD, associate professor of Department for Philosophy, Bioethics
and Law with the Course of Medical Sociology, Volgograd State
Medical University, Volgograd, zzzzz111@mail.ru*

The perspective foreshortening of bioethical discourse known as narrative bioethics is analysed in article. This analysis is realized on example of the novel “The Grapes of wrath” of the outstanding American author John Steinbeck. Deconstruction in its ethical aspect of the discourse of justice is used as method of bioethical reflection. The text of the novel is interpreted as pharmacon, medical remedy, medicine for the human individual soul and for all social organism. The result of the analysis is the principle that “other” world is not at all real socially-cultural place existing somewhere on the Earth. People themselves (Joads’ family in the novel) are bringing in themselves this “other” world: world of humanity, good, justice which excludes individualism and aggression. Thus “other” world is the discourse of bioethics as the “science of survival” in the face of inhuman capitalistic system. Given discourse can serve for the basis of the creation of global bioethos as real space of justice and new, bioethical metanarrative which is able to be real alternative to economical discourse of total capital.

Key words: narrative bioethics, deconstruction, justice, total capital, bioethos.

Биоэтический дискурс в настоящее время стремится преодолеть те традиционные прагматические установки, которые в значительной степени инициировали появление самой биоэтики. В этом стремлении, с одной стороны, можно увидеть влияние посмодернизма с его претензией на роль общей теории культуры, но, с другой стороны сама биоэтика обретает черты некой новой философии, универсальной «науки выживания». В этом смысле перспективными и интересными являются такие ракурсы биоэтики, как нарративная биоэтика или даже литературная биоэтика. При этом деконструкция становится одним из методов биоэтической рефлексии. А логическим продолжением может стать интерпретация литературных текстов в категориях биоэтики, выявление их ценностного смысла в контексте аксиологической конфигурации «жизнь – смерть – справедливость – свобода». Тем более, что сама идея деконструкции в процессе своего развития обрела явно этическое измерение, став «дискурсом о справедливости» [2].

Может показаться, что таким образом нарративная биоэтика окончательно порывает с медициной. Однако литература, высокохудожественный текст выступает в роли фармакона, лекарственного средства. Этот pharmacon, это «снадобье», этот настой- в одно и тоже время лекарство и яд- внедряется со всей своей амбивалентностью в тело дискурса.

Существует еще один крайне важный смысл концепта «фармакон». Фармакон есть дар, который одновременно способен стать проклятием, приговором для того, кто обладает этим даром. И человек, как особого рода текст, может оказаться фармаконом. Тогда он становится ядом для определенной социокультурной реальности, которая вступила в стадию упадка, т.е., больна. Но этот яд будет целебным снадобьем. Также этот яд есть дар. Это дар духовный или дар духовности. Великий дискурс, идущий от Вед,

Платона и Библии, говорит, что источником всех человеческих благ и бед является душа. Лекарство для души- это определенного рода дискурс. Данный дискурс приводит к появлению в душе мудрости. Если же душа получает мудрость и сохраняет ее, вполне возможным оказывается вернуть здоровье всему организму.

Роман выдающегося американского писателя, лауреата Нобелевской премии Джона Стейнбека «Гроздь гнева» вышел в свет в 1939 году. Только к этому году США сумели наконец выйти из так называемой Великой депрессии, разразившейся в 1929, когда фондовый рынок рухнул. «Невидимая рука» рынка сделала какое-то неверное «движение» и произошел небывалый обвал биржевых котировок. Это событие вспомнили в 2008 году, когда случился новый обвал. А серьезные и стремящиеся к объективности современные экономисты (Дэвид Стиглиц, Филипп Котлер) утверждают, что Великая депрессия была результатом грубых ошибок банкиров ФРС.

Последствия биржевого краха оказались очень тяжелыми для многих миллионов простых американцев. Очень многие люди (включая детей) умерли от голода или покончили с собой, потеряв все. Поразительно, что никакой объективной статистики убыли населения за это страшное десятилетие не существует. Есть или статистика ангажированная, или так называемая «официальная», которая утверждает, что никакой массовой убыли населения не было. Тем ценнее масштабное художественное свидетельство, приведенное в романе Стейнбека. Следует также добавить, что книга вызвала ярость американских властей: ее пытались запрещать, вносили в разные «черные списки» подрывной литературы. Даже публично сжигали. Но художественная правда оказалась сильнее, а актуальность романа сохраняется и сейчас, спустя 80 лет после описанных событий.

Фокусом повествования является фермерская семья Джоуд. Она символизирует тысячи семей фермеров-арендаторов, которых буквально сгоняют с земель банковские агенты: «И наконец агенты выкладывали все начистоту. Аренда больше не оправдывает себя. Один тракторист может заменить двенадцать-четырнадцать фермерских семей. Плати ему жалование- и забирай себе весь урожай. Нам приходится так делать... Арендаторы поднимали глаза, во взгляде у них была тревога. А что будет с нами? Как же мы прокормим и себя, и семью?

Вам придется уехать отсюда. Плуг пройдет прямо по двору»[4].

В неурожайный год фермерам пришлось сделать займы. Земля перешла к банку, но арендаторы остались на земле и получали определенную, небольшую часть урожая. «Пусть земля оскудела- она все равно еще наша. Она наша потому, что мы на ней родились, мы ее обрабатывали, мы здесь умирали. Это и дает нам право собственности на землю, а не какие-то там бумажки, исписанные цифрами» []. Но агенты отвечают: «Нет. Хозяин земли банк, чудовище. Вам придется уехать» [5].

Ситуация, описанная Стейнбеком, предвосхищает глобальное явление нашего времени, которое можно охарактеризовать, как этический тупик современного, мирового капитализма. С. Жижек отмечает: «Мировой капитализм сегодня доводит отношение должника и кредитора до крайности и одновременно подрывает его: долг становится явно

абсурдным избытком. Мы вступаем в сферу гнусности: при предоставлении кредита от должника даже не ждут погашения- долг расценивается как средство контроля и влияния» [1].

Между тем в душах фермеров уже посеяны семена будущих гроздьев гнева (название романа отсылает нас к библейской книге Откровения: «И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в великое точило гнева Божия»). Но труженики еще способны сдержать свой гнев. Люди обижены и растеряны. Они размышляют. Тем более, что банковские агенты выступили также в роли маркетологов. Они предлагают фермерам отправиться в Калифорнию. Там всегда есть работа и всегда тепло. Апельсины висят на расстоянии вытянутой руки, а урожай собирают круглый год. Калифорния- это «иной» мир, земной рай, Эдем.

И фермерские семьи, понимая безвыходность ситуации и соблазненные призрачной надеждой из рекламных, калифорнийских буклетов, отправляются в долгий и опасный путь на подержанных, разбитых грузовиках. Отправляется и семья Джоуд. На этом пути Джоудам придется на практике, в «полевых» условиях овладеть «наукой выживания» (определение биоэтики Поттера). Здесь проявляется элементарная человечность простых людей, которые все жизнь «в поте лица добывали хлеб свой». Так уже в начале пути они берут на буксир заглухшую машину четы Уилсон: «- Что ж, очень хорошо,- сказала Сэйри.- Но не будем ли мы в тягость?- Да бросьте вы,- сказал отец.- Какое там «в тягость». Вы нас выручите» [6]. Стейнбек описывает далее удивительный социальный феномен, который можно назвать биоэтической самоорганизацией: «Люди жались друг к другу, потому что их мучило чувство одиночества и растерянности, потому что все они бежали из тех мест, где их настигло горе, поражение, бежали на новое место- незнакомое, таинственное для них...»[7].

Но чем ближе продвигается семья Джоуд к вожденному, земному, калифорнийскому раю, тем более странные и тревожные вести доходят до них от людей, которые побывали там и пытаются вернуться. На одной из стоянок Джоуды встречают человека, который потерял буквально все: «Около самого крыльца стоял человек в брюках, протертых на коленях до дыр. На лице у него, там, где пыль смешалась с потом, были грязные разводы» [8]. Между ним и старшим из Джоудов происходит разговор, в ходе которого несчастный рассказывает, что никакого земного рая нет, что рекламные буклеты только завлекают людей, чтобы максимально снизить оплату труда. Он просто раскрывает старый механизм жестокой капиталистической эксплуатации для получения максимальной прибыли: «Теперь понимаешь, в чем дело? Чем больше набегит народу да чем они голоднее, тем меньше он будет платить. А когда ему попадают многодетные, с малыми ребятами...» [9]. Далее идет жуткий фрагмент, который видимо больше всего не понравился американским властям, ибо он совершенно разрушает миф об Американской мечте, великой демократии и т.д. «Я хотел предостеречь вас,- снова заговорил он.- У меня целый год ушел, пока я разобрался во всем этом. Сначала двоих ребят схоронил, потом жену схоронил... Да разве расскажешь про то, как ребятки лежат в палатке со вздутыми животами, а сами кожа да кости, дрожат мелкой дрожью, скулят, что твои

щенята, а я бегая, ишу работу, хоть какую-нибудь, не за деньги!- крикнул он.- Да хоть за чашку муки, за ложку сала. А потом является следователь. «Причина смерти- недостаток сердечной деятельности». Так и записал» [10].

Но Джоуды все хотят увидеть сами и, наконец, добираются до Калифорнии. И выглядит она как настоящий рай. Особенно весной. Зацветают фруктовые деревья. Потом созревают плоды. Но рай становится адом, когда фрукты, кофе, кукуруза, картофель, свиньи уничтожаются, чтобы цены не падали. «Это преступление, которому нет имени... Это поражение, которое повергает в прах все наши успехи. Плодородная земля, прямые ряды деревьев, крепкие стволы и сочные фрукты. А дети умирают от пеллагры, должны умереть, потому что апельсины не приносят прибыли... В душах людей наливаются и зреют гроздья гнева- тяжелые гроздья и дозревать им теперь уже не долго» [11].

Между тем Джоуды после череды мытарств и потерь (в дороге умирают старшие: дед и бабушка) получают передышку. Они добираются до так называемого «правительственного лагеря». Но в реальности этот лагерь представляет собой настоящий самоорганизующийся этос (а можно сказать и «биоэтос») т.е., пространство, в котором нет места агрессии и индивидуализму, а руководство постоянно выбирается заново. В коротком диалоге между матерью Джоудов и выбранным управляющим лагеря Стейнбек показывает, как удачно решается вопрос власти в таком пространстве: «Лицо матери мало-помалу подобрело...-А вы хозяин?

- Нет, ответил он.- Здешний народ любого хозяина не у дел оставит. Поддерживают чистоту в лагере, следят за порядком- сами со всем справляются» [12].

Кажется, что жизнь налаживается. Том, один из старших сыновей сразу находит работу за тридцать центов в час. Однако сразу выясняется, что фермер, нанимающих рабочих вынужден снизить оплату до двадцати пяти центов. Ассоциация фермеров зависит от Банка. Банковский представитель на собрании фермеров озвучил решение Банка о снижении оплаты во избежание недовольства. Кроме того, в окрестностях лагеря появляются шерифские понятия, которые стараются выявить бунтовщиков и каких-то «красных». Простые американские фермеры спрашивают друг друга и самих себя: Что за люди эти красные, если ими пугают и сами власти так их боятся? Не очень хорошо разбираясь в цветовой метафоре левой политической культуры, люди, однако находят для себя вполне адекватный ответ: «Красный- это тот сукин сын, который требует тридцать центов, когда мы платим двадцать пять. Мальчишка подумал... и сказал: Я не сукин сын, а если красные такие, как вы говорите, так ведь я тоже хочу получать тридцать центов. Это все хотят. Выходит...мы красные»[13]. Понятно, что речь здесь идет о желании иметь справедливую, фиксированную оплату труда.

Однако, работу в округе замечательного биоэтоса найти не удалось и семья Джоудов едет дальше. И в этот раз находит работу для всех. Но лагерь, в котором приходится остановиться, совсем не похож на то пространство самоорганизации, где были достойные условия и отношение. Кроме того, рядом с лагерем идет забастовка за фиксированную оплату труда, а Джоуды невольно оказываются в роли

штрейкбрехеров. Об этом узнает Том, один из старших сыновей Джоудов, случайно встретив группу забастовщиков во главе с Кейси, бывшим проповедником. Затем полицейский наряд обнаруживает рабочих. Происходит жестокая схватка. Кейси погибает от удара дубинкой в висок, а Том, вырвав дубинку из рук полицейского, наносит последнему смертельный удар. Фактически, этим действием, Том подписал себе смертный приговор. Семья снова спешно отправляется в путь, а Том вынужден прятаться в кустарнике. Но мать возвращается и находит его. Том в диалоге с матерью высказывает важную мысль: «Я все вспоминаю правительственный лагерь- как там люди сами со всем управлялись...и никаких полисменов, никто в тебя револьвером не тычет. А ведь такого порядка полисменам не добиться. Вот я и думаю: почему повсюду так не устроить?»[14].

Том понимает, что он обречен на нелегальное положение, но он не собирается сдаваться, и видит смысл своей жизни в борьбе за справедливость и правду. А завершает Том свое присутствие в романе своеобразным дискурсом о душе: «...у человека своей души нет, а есть только частичка большой души-общей...Тогда меня и в темноте почувствуешь. Я везде буду- куда не глянешь. Поднимутся голодные на борьбу за кусок хлеба, я буду с ними. Где полисмен замаяхнется дубинкой, там буду и я...я тоже буду с теми, кто не стерпит и закричит» [15].

А в Калифорнии начался период дождей. И в ближайшие несколько месяцев не будет никакой работы. Для Стейнбека этот дождь является метафорой библейского всемирного потопа, который несет новые страшные испытания переселенцам. Промокшие и дрожащие от холода люди выходили из палаток и сараев. Они шли выпрашивать пособие или просто кусок хлеба и гнилые овощи. Люди обращались к врачам, но это было бесполезно. И только машины похоронной службы безотказно подъезжали к палаткам и сараям, и забирали мертвых.

В этом социальном и природном хаосе оставшихся членов семьи Джоуд ждет новое испытание: у старшей дочери, Розы Сароны, которая отправилось в путь беременной, начались родовые схватки. Но ребенок рождается мертвым. Но похоронить невозможно. Кругом все залито водой. Гробом для ребенка становится старый ящик, который отпускают в поток. Однако этот гроб становится неким безмолвным дискурсивным посланием миру: «Плыви, Расскажи им все. Плыви по улицам. Будешь гнить. Может, они хоть от тебя все узнают. Ты только так и можешь говорить...Плыви, остановись где-нибудь на улице. Может, тогда они поймут» [16].

С огромным трудом удается семье Джоудов вырваться из затопленного района и найти твердую землю с сараем, стоящим на ней. Там они встречают умирающего от голода мужчину в полубессознательном состоянии и его маленького сына. Грудь Розы Сароны полна неиспользованного молока. После безмолвного диалога с матерью, молодая женщина принимает решение спасти умирающего единственно возможным способом: «Она медленно легла рядом с ним...откинула одеяло с плеча и обнажила грудь...Она прижалась к нему и притянула его голову к груди» [17].

Итак, роман завершен. «Иной» мир, земной рай оказался миражом, иллюзией, рекламным

симулякр. Но, с другой стороны, сама семья Джоудов и те люди, которые помогали им в пути, не несут ли они в себе этот «киной» мир? Мир человечности, добра, справедливости. Ибо сказано в той книге, аллюзиями из которой насыщен роман Стейнбека: «Царство божье внутри нас».

Книга Стейнбека является значимой еще и потому, что, в сущности, в социально-культурной реальности ничего принципиально не изменилось. Можно даже сказать, что ситуация, по сравнению с временами Великой Депрессии, в чем-то стала хуже. Мы оказались в мире глобального капитализма, тотального капитала или капитала, претендующего на тотальность. Последней версией этого капитализма стал так называемый биокапитализм, согласно которому каждый человек реально или потенциально является сам себе предпринимателем, малым предприятием, сам себе инвестором в собственный человеческий капитал и, в конечном итоге, получателем дохода. Этот последний, в свою очередь, является оборотным капиталом для новых инвестиций. Однако, для подавляющего числа людей единственный путь реализации данного проекта – это кредит. Со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые вполне возможны в жизни многолетнего должника.

Это желание контролировать объемы производства и сокращать рабочую силу проявляется не только в индустриальной сфере. Когда началось расширение сферы услуг, возникли так называемые когнитивные цифровые системы контроля, призванные увеличить и улучшить результаты этой сферы. Так, например, в авиакомпании Cathay Pacific наставляли стюардесс больше улыбаться, а в Англии оценивают преподавателей университетов с помощью ключевых показателей эффективности, в основе которых так называемые сбалансированные системы показателей, дающие возможность сделать вывод о том, нужно ли повышать сотрудника или нет.

Все больше людей совершают покупки через Интернет, и все большее количество магазинов закрываются, начиная все заново на просторах Интернета. Так уже поступили владельцы ряда крупных книжных магазинов во Франции, Великобритании и США. В онлайн-магазинах цены на товары ниже, особенно если нет налогов с продаж. Таким образом, с одной стороны, отчетливо видно стремление превратить человека в некую биологическую машину, из сознания которой полностью вытеснено представление об «кином» мире (мире справедливости, добра, солидарности), а с другой стороны, можно отметить стремление максимально заменить человека кибернетическими системами. Это означает, что технологический прогресс приобретает все более катастрофический характер для огромного большинства людей. А события, описанные в романе Стейнбека, могут повториться в значительно большем, глобальном масштабе и поставить на грань выживания миллиарды людей. Даже преподавание биоэтики в медицинских вузах стремятся искусственно ограничить, что ведет к «дегуманизации медицинского образования» [3]. И, как общий итог, нас ждет жуткое постчеловеческое будущее.

Ван Р. Поттер, который так удачно определил биоэтику как «науку выживания» видел в ней не только новую философию, но даже идеологию, которая может обеспечить человечеству будущее. Очевидно, что ключевой ценностью биоэтики как идеологии может

быть только справедливость. Справедливость предполагает такие порядок и меру, при которых блага и тяготы распределяются правильным и должным образом. Это означает пресечение существующей тенденции, когда львиная доля благ принадлежит предельно узкому кругу избранных владельцев капитала (и это доля постоянно возрастает), а огромное большинство вынуждено нести все возрастающие тяготы, обусловленные уменьшением благ. Чтобы переломить эту тенденцию, биоэтика как идеология должна приобрести политическое измерение. Это невозможно осуществить без учета многовекового опыта левой политической культуры в самом широком смысле слова. Данная стратегия предполагает выявление и создание очагов сопротивления в социальном поле тотального капитала. Собственно в этом и заключается социальное измерение деконструкции, которую следует понимать и трактовать максимально широко (а отнюдь не только как радикализацию марксизма).

В глобальном, политическом измерении функция биоэтики как идеологии должна заключаться в формировании глобального биоэтоса. Некой резомической структуры трудовых, самоуправляемых сообществ, которая на первых порах могла бы успешно противостоять давлению тотального капитала (что и показано в романе Стейнбека на примере правительственного лагеря). Далее, необходимо обеспечить приход к власти представителей левой политической культуры, чтобы принять закон о прогрессивном налогообложении в тех странах, где такого закона еще нет. Затем необходимо принять закон о безусловном, основном доходе для граждан, потерявших работу. На международном уровне необходимы скоординированные усилия по установлению глобального налога на капитал. Понятно, что на государственном и международном уровнях, тотальный капитал будет оказывать самое ожесточенное сопротивление, ибо капитал давно уже превратился в своеобразную «пятую власть» с мощным влиянием на другие ветви власти и СМИ. Учитывая что законы, принимаемые так или иначе под давлением капитала, являются законами безнравственными, никто не может отказать людям в праве на революционное сопротивление и восстание.

Таким образом, представляется возможным переход от нарративной биоэтики к тотальному биоэтическому метанарративу, который способен стать реальной альтернативой навязанному экономическому дискурсу тотального капитала.

Литература:

1. Жижек, С. Событие. Философское путешествие по концепту/ С. Жижек; - М.: РИПОЛ классик, 2018.- С. 219.
2. Mikics D. Who was Jacques Derrida? An Intellectual Biography. New Haven, L.: Yale University Press, 2009. P. 221.
3. Sedova N.N. The fate of bioethics in medical education of contemporary Russia is under threat. Bioethics. Volgograd: Publishing house VolgGMU, 2018. 1(21). P.5.
4. Стейнбек, Дж. Гроздь гнева: роман.- СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015,- С. 44.
5. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 45.
6. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 196.
7. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 255-257.
8. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 248.
9. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 251.
10. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 252.
11. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 466-467.

12. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 405.
13. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 397.
14. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 559.
15. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 560.
16. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 596.
17. Стейнбек, Дж. Там же.- С. 606.

References:

1. Zhizhek, C. Sobitie. Filocofckoe puteshectvie po konsepty.- M.: RIPOI klaccik, 2018.- С. 219.
2. Mikics D. Who was Jacques Derrida? An Intellectual Biography. New Haven, L.: Yale University Press, 2009. P. 221.
3. Sedova N.N. The fate of bioethics in medical education of contemporary Russia is under threat. Bioethics. Volgograd: Publishing house VolgGMU, 2018. 1(21). P.5.
4. Ctejnbe, Dzh. Grozdja gneva: roman.- CPb.: Azbuka, Azbuka-Attikuc, 2015.- С. 44.
5. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 45.
6. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 196.
7. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 255-257.
8. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 248.
9. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 251.
10. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 252.
11. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 466-467.
12. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 405.
13. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 397.
14. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 559.
15. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 560.
16. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 596.
17. Ctejnbe, Dzh. Tam zhe. С. 606.

УДК 614.251.2

«ПРАВИЛА ИГРЫ» В ИНСТИТУТАХ БИОЭТИКИ

Т.А. Сидорова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры
фундаментальной медицины, Новосибирский Национальный
Исследовательский Государственный Университет,
t.sidorova@g.nyu.ru.*

В статье выявляются методологические предпосылки для анализа институциональной стороны биоэтики. Рассматриваются три основные трактовки понятия «институт», выделяющие структуру, функции и идеационный смысл социальных форм. Теоретическое обоснование этой триады автор видит в гегелевских формах объективного духа. Современный неинституционализм понимает под институтами «правила игры» и расширяет тезаурус институциональной теории. Сделана попытка применения этих понятий для более точного определения разнородных институциональных образований в биоэтике. Переосмысливается утверждение о том, что институциональная сторона биоэтики представлена только этическими комитетами.

Ключевые слова: биоэтика, социальный институт, институциональные образования, неинституционализм, «правила игры», этический комитет, информированное добровольное согласие.

DOI 10. 19163/2070-1586-2019-1(23)-15-19

«THE RULES OF THE GAME» IN THE BIOETHICS INSTITUTIONS

T.A. Sidorova

*Ph.D., Associate Professor of the chair of the fundamental
medicine,
Novosibirsk State National Research University,
t.sidorova@g.nyu.ru*

The article reveals the methodological prerequisites for analyzing the institutional aspect of bioethics. Three main interpretations of the concept of "institution" are considered, which

highlight a structure, functions and ideational meaning of social forms. The author sees the theoretical substantiation of this triad in the Hegelian forms of the objective spirit. Modern neoinstitutionalism understands the "rules of the game" under the institutions and expands the thesaurus of institutional theory. An attempt was made to apply these concepts to more accurately define the heterogeneous institutional formations in bioethics. Rethinking the assertion that the institutional side of bioethics is represented only by ethical committees.

Key words: bioethics, social institution, institutional education, neoinstitutionalism, "rules of the game", ethical committee, informed consent.

Основной целью исследования выступает поиск методологических подходов к изучению институтов в биоэтике. Сложившаяся система биоэтических институций в нашей стране свидетельствует о существовании различных уровней, между которыми нет должной корреляции и взаимосвязи. Биоэтика либо редуцируется до учебных курсов в системе образования, либо переходит в плоскость параллельного сосуществования академических исследований и регулятивной практики в виде этических комитетов, а также законодательной практики, либо декларируется в виде однозначно сформулированных религиозных позиций [1,2]. Культурно опосредованные институции в медицине, например, представительство религиозных конфессий, носят изолированный характер. К. Поланы, в своих работах, ставшими классикой в институционализме, убедительно показал, что общественные институты не являются чем-то универсальным и имеют свою специфику в различные исторические периоды и в различных культурах [3]. Задача развития институтов как инструментов гармонизации социального порядка, формирования навыков поведения в гражданском обществе чрезвычайно важна, сегодня по состоянию институтов судят о состоянии общества. Институциональное исследование заставляет увидеть в биомедицине и в биоэтике прежде всего область социальных отношений. Биоэтика выступает источником актуализации культурных ценностей, который имеет в своем распоряжении механизмы обеспечения сосуществования множеств разнонаправленных мнений в едином пространстве российской культуры. В последнее время заметно активизировалось влияние различных общественных групп и общественного дискурса в обсуждении и принятии решений по проблемам, имеющим биоэтический характер. Например, обсуждение закона о донорстве органов, дискуссии о допуске близких в реанимационные отделения, о правомерности видеонаблюдения в родильных отделениях, о доступности к высокотехнологичным видам медицинской помощи и т.д. Формирующиеся таким образом практики содержат черты институциональных и протонституциональных форм. Методологически их изучение может быть проведено, опираясь на теоретические подходы к институтам в рамках социально-гуманитарных наук: в социальной философии, в юриспруденции, в социологии и экономической науке. Принципиальное значение имеет выбор тех концептуальных основ, которые будут релевантны особенностям биоэтических институций, таким как меж- и трансдисциплинарность и локализация вокруг сложных этических проблем современной биомедицины.